

18+

Мария Сорокина

МАСА

пять месяцев
в Израиле

Мария Сорокина

МАСА: пять месяцев в Израиле

«Издательские решения»

Сорокина М.

МАСА: пять месяцев в Израиле / М. Сорокина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517639-4

Эта книга — о моем путешествии в Израиль на пять месяцев по программе формата МАСА в 2014 году. Мне было 29 лет, я никогда не была в Израиле прежде и смотрела на него как на возможное будущее место для жизни. О выборе программы, консульской проверке, стажировках в ресторане и в кондитерской в Тель-Авиве, изучении иврита, путешествиях по Израилю и людях, которые мне встретились. Для тех, кто задумывался о более близком знакомстве с Израилем, по праву рождения или нет.

ISBN 978-5-00-517639-4

© Сорокина М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	14
Глава 9	15
Глава 10	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

МАСА: пять месяцев в Израиле

Мария Сорокина

Фотограф Андрей Бугайский

© Мария Сорокина, 2020

© Андрей Бугайский, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-7639-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Чтобы ход истории был понятен, немного предыстории. Еврейкой была моя бабушка, Марина Семеновна Снаговская (Гинзбург). Я видела ее только на старых фото – ее не стало, когда маме было пять лет. Маму не воспитывали в еврейских традициях и меня тоже.

Я родилась в 1985 году в Москве, окончила Высшую школу экономики, два года проработала аудитором в Deloitte & Touche, затем еще два – управленческим консультантом в Strategy Partners. В 2010 году я ездила на MBA в бизнес-школу INSEAD, затем вернулась в Москву. Проработала еще год управленческим консультантом в Booz & Company, затем ушла в свой кулинарный бизнес.

Я почти ничего не знала об Израиле и не думала о нем, но однажды кое-что произошло.

Глава 1

На дворе был 2012 год. Я уже не работала в Booz, но у меня была подруга из бэк-офиса, Марианна. Однажды она рассказала, как ездила на таглит – путешествие по Израилю по праву рождения.

От нее я впервые узнала, что каждый молодой человек еврейского происхождения, который родился не в Израиле, может поехать туда на 10 дней. Увидеть всю страну и познакомиться с ее жизнью очень близко – Иерусалимом, Тель-Авивом, кибуцами, армией, Мертвым морем, Эйлатом, Голанскими высотами и языком. Это подарок от государства Израиль.

Она путешествовала в группе из таких же мальчиков и девочек со всего света. И это задело меня за живое. Хотя к Израилю я не имела никакого отношения, кроме происхождения. Дома мы не праздновали праздники, не обсуждали традиции или религию. Но я знала, что мама моей мамы – бабушка Марина, которую я никогда не видела, была еврейкой.

В ответ на мои надежды поиск сообщил, что на таглит берут до 26 лет. Мне было 27. Я почувствовала себя старой и обиженно забыла об этом на целый год. Но оно отложилось где-то и не давало покоя, пока я снова не начала искать.

При следующей попытке я выяснила, что кроме таглита есть МАСА. Тоже путешествие по праву рождения, только надолго. На учебу или стажировку. Туда можно было поехать до 30, и я чувствовала, что мне туда – надо. При этом у меня только начал строиться кулинарный бизнес в Москве, и я еще толком не отдышалась после поездки на МВА. Срываться с места и снова куда-то ехать было явно не время, но я продолжала читать.

Официальный портал МАСА показывал массу вариантов программ от полугода до двух лет. Это могла быть самая разная учеба или работа. Поступление выглядело как целое дело, на которое уйдет минимум полгода. Я отметила, что мой последний шанс, чтобы успеть по возрасту, – начать следующей весной. Снова забыла об этом и вернулась в свою жизнь.

Глава 2

Был новый год 2014. Я, как обычно, подводила итоги, составляла планы и заметила, что опасная дата в 30 лет приближается. Надо было или прощаться с идеей поехать на МАСУ, или начинать что-то делать.

Я снова решила просто почитать – и увидела десятки программ. Искала я что-нибудь кулинарного содержания, именно это тогда интересовало меня. В числе прочего нашлась поварская школа на год, причем русская. Но когда я увидела фото выпускников в кителях и колпаках, мне отчетливо представился кулинарный техникум. Год тоже звучал дико.

С одной стороны, проект тогда позволял мне перерывы. Я вела кулинарные мастер-классы и корпоративы в студиях, которые снимала под каждое отдельное мероприятие. Приостановить процесс можно было в любой момент.

С другой стороны, я понимала, что за год обо мне все забудут. Нарботанной теплой аудитории и договоренностей с партнерами не станет, возвращаться будет некуда. К тому же, в моей жизни только появился Андрей. Мы жили вместе четыре месяца. Я не представляла, как прерваться в этих отношениях так надолго и как он воспримет эту идею тоже.

На этой мысли мне попала программа на пять месяцев. Она была на английском, и все говорило о том, что большинство участников приедет из США. У самой программы не было определенной специальности, каждый мог сам выбирать себе стажировку по профилю. Организаторы помогали найти работодателя. Кроме стажировки были изучение иврита и путешествия по стране каждую неделю в новое место. Алия, то есть переезд на ПМЖ с получением гражданства, после программы была возможна по упрощенной процедуре. Но ее можно было и не делать.

Это подходило. Точнее – выглядело потрясающе. Следующий набор стартовал весной. Последующий – в сентябре. Программа стоила 7000 долларов, но при доказанном праве рождения можно было получить грант на 5000 долларов и заплатить только две. Включено было жилье, изучение языка, путешествия, организация стажировки. Все происходило в Тель-Авиве.

Я как раз читала книгу «Четыре кухни» Лорен Шоки – девушки, которая после первого высшего образования посвятила год работе стажером в ресторанах четырех частей света. Нью-Йорк, Париж, Ханоя и Тель-Авива. Информации из книги было достаточно, чтобы понять, что в этой стране мне – в Тель-Авив. В активную, международную, молодую тусовку, далекую от углубленной религиозности.

Я написала организаторам, чтобы посмотреть на варианты, где могла бы работать.

Глава 3

Первый вариант стажировки, который мне выдали моментально, был Roy Chocolate – производство ремесленных шоколадных конфет. Это был постоянный партнер программы, но по желанию мне обещали подобрать еще рестораны и кондитерские.

Более того. Я могла пройти сразу две стажировки в разных местах. Это был тот самый несдержанный вариант, который подходил мне как нельзя лучше. Наступал май. Пора было говорить с Андреем.

Я объяснила про свое ощущение – что мне туда нужно. И что время истекло, последний шанс – поехать осенью. На тот момент мы жили вместе около девяти месяцев. Не то чтобы у нас были определенные планы на будущее, но за три месяца до события он пришел домой с кольцом. Ничего не объяснял, а я не спрашивала. Просто надела.

Он осмотрел меня взглядом взрослого человека и заключил, что мне надо ехать. Я в ответ сказала: «Давай поженимся». Чувствовала, что наши отношения – это серьезно, и от его понимания они только посерьезнели. Уезжать и оставлять все подвешенным я не хотела. Он сказал: «Давай».

В конце концов, до Тель-Авива было 4 часа лета. Можно было летать хоть каждый месяц. Я написала организаторам, что хочу рестораны и кондитерские. Они – что с меня 500 долларов невозвратной предоплаты, и они все подберут. Я перечислила.

Глава 4

Чтобы получить грант, нужно было написать мотивационное письмо. О происхождении, интересах, образовании, опыте работы и о том, почему мне так важно поехать на стажировку в Израиль.

Я честно написала, что меня не воспитывали в традициях, но у меня идея фикс. Про бабушку, Марианну, мой кулинарный бизнес. Что в тот момент я как раз могла прерваться и познакомиться с Израилем, а заодно окунуться в кухню – я была тогда в восторге от израильского фьюжен-шефа Йотама Оттоленги.

Получилось две странички с таким смыслом, только официальным языком и с описанием образования, опыта работы, семейной истории. МАСА ответила довольно быстро. Это было «да». Они подтверждали, что переведут грант напрямую организаторам, после того как я получу визу и оплачу 2000 долларов со своей стороны.

WUJS – так называлась компания-организатор конкретной программы, которую я выбрала, – начала подбирать варианты стажировки. Сначала со мной общался один координатор, потом он поменялся. Процесс с их стороны подвисал на недели, потом координатор перестал отвечать. Ближе к концу июня я забеспокоилась. Программа стартовала в начале сентября.

Я написала руководителю. Ее звали Рики. Она сказала, что это не порядок, расспросила про поведение координатора, потом сама взялась за моих работодателей. Кроме производства ремесленного шоколада она предложила еще двоих. Ресторан отеля David Intercontinental – постоянного партнера программы. И кондитерскую the Bakery.

Поглубже вникнув в вариант с шоколадом, я поняла, что производство далеко от города, мне бы пришлось каждый день тратить два часа на дорогу. Вычитать что-то конкретное про Intercontinental не получалось, но обрывочная информация говорила о том, что ресторан дорогой и хороший.

The Bakery выглядела как крутая европейская кондитерская. С макаронами, круассанами, пирожными, своим хлебом и профессиональными соцсетями. На вопрос «а нельзя ли что-нибудь ближневосточное?» Рики ответила, что это будут совсем мелкие пекарни, где работает по 1—2 человека.

Я попросила совместить Intercontinental и the Bakery, Рики сказала ОК. Теперь было нужно резюме и пройти собеседования по скайпу с обеими компаниями.

Глава 5

Как раз, когда мне назначили собеседования, началась война. В новостях только и было что о ракетах и израильской противоракетной обороне. На той стороне все в самом деле были не в себе.

Собеседование в Intercontinental переносили дважды, а потом сказали просто приезжать. Собеседование с кондитерской все же произошло. Вел шеф-кондитер, Рам. Он рассказал, что в штате примерно 40 кондитеров. Я спросила, можно ли совместить кондитерку и хлеб. Он – что честно не советует мне хлеб. Там работают только крепкие мужчины. Я не упрячилась.

Очень кстати по графику от WUJS прилетело письмо с темой Declaration guide. Это был документ, описывающий политическую и военную ситуацию в Израиле. Мы должны были подписать, что понимаем, куда едем. Я как раз начинала понимать.

Лена Айзикович, которую я тогда читала особенно внимательно, подробно описывала, что делать, когда сирена застала тебя в автобусе. Когда она подняла тебя ночью. По какой стороне улицы идти на работу. За какими объектами прятаться на улице. И так далее.

Лена находилась в Ашдоде, почти на границе – туда в самом деле отправлялось много ракет. Я целилась в Тель-Авив, совсем другое место. Это несколько успокаивало, но, что произойдет с конфликтом к началу сентября, было неясно. Я решила просто сделать все, что можно, чтобы поехать, если ситуация позволит.

А делать теперь предстояло специальную визу типа А2. Первым шагом была консульская проверка происхождения. В списке документов значилось:

- Свидетельство о браке/разводе родителей. Если менялась фамилия мамы и нет свидетельства – трудовую книжку;
- Документы, подтверждающие еврейские корни (бабушек/дедушек): свидетельства о рождении, военные билеты, советские паспорта, справки о работе, выписки из домовой книги. Если есть документы прабабушек и прадедушек – рекомендовали тоже брать.

Вот тут я ярче, чем от войны, почувствовала, во что ввязываюсь. Также был раздел «чего не брать» – сумку, никакую, даже дамскую. С ней в консульство не пустят. Потом, правда, выяснилось, что есть платная камера хранения.

Я перевела дух и поехала к родителям смотреть, что из документов сохранилось.

Глава 6

Мне повезло. Хранением документов занималась мама. К моменту, когда они переходили к ней в руки от бабушки, почти все было утеряно, но она аккуратно получила повторные. Еврейская линия выглядела так: мой прадедушка Гинзбург Семен Сергеевич, его дочь и моя бабушка Марина Семеновна, затем ее дочь – моя мама. У меня на руках были:

- свидетельство о рождении мамы (оригинал);
- свидетельство о браке бабушки и дедушки (повторное);
- свидетельство о рождении бабушки (повторное);
- свидетельство о смерти бабушки (оригинал, но без указания национальности);
- свидетельство о смерти прадедушки (повторное).

Я дозвонилась в консульство. Меня записали на через неделю. Сказали, что прием с 9:00 до 12:00.

Теперь мы с Андреем отправились в загс записываться на регистрацию брака. Был конец июля. Девушка развела руками и сказала, что может предложить нам третье сентября. Программа стартовала восьмого. К моменту, когда мы вернулись с оплаченной пошлиной, мы уже смирились с этим вариантом. Но она неожиданно сжалась и предложила 27 августа. Мы восприняли это аплодисментами.

Одновременно у нас пошли продажи гастрономического тура в Тоскану. Мы тогда только запустили это направление в дополнение к кулинарным мастер-классам. Ездили в Италию, составляли маршруты, упаковывали в интересные туры и набирали группы в Москве.

Первые несколько наших туров были в Калабрию – регион на юге Италии, очень дорогой моему сердцу. Мы долго пытались наладить продажи, но это не получалось. Прямых рейсов туда не было, с пересадкой не полетишь на выходные. Упакованный тур на неделю неизбежно получался дорогим.

Мы решили попробовать Тоскану. С прямым рейсом и распиаренным регионом дело пошло по-другому. В июле группа уже не влезала в один минивэн. Стало ясно, что тур точно состоится и мне нужно будет его сопровождать в конце сентября. То есть лететь туда из Тель-Авива посреди программы?

Я взаимодействовала с этим фактом в формате «подумаю об этом завтра».

Глава 7

Меня предупреждали, что будет очередь, поэтому в консульство я приехала к 8:30. Хвост на вход уже стоял и ждал открытия. Я смиренно встала последней.

В 9:00 охранник начал по одному пропускать внутрь. Нужно было назвать имя, показать паспорт, он проверял по списку. Внутри был металлоискатель и сканер для вещей аэропортового типа. Вещи с собой никто не брал, но через него пропускали все, что было в руках и карманах: телефоны, кошельки, папки с документами.

Теперь мы шли по территории в какое-то другое здание. Остановились в зале ожидания, который минут за десять заполнился под завязку. Там было человек сорок. В новой очереди каждый получал на руки бумажную анкету, страниц на двадцать, и уходил ее заполнять.

Были люди, которые просто ждали, – позже я поняла, что они пришли повторно, их анкеты уже были у консулов. Большинство вокруг хотели на ПМЖ. Процедура для меня и для них была одинаковая.

Я от руки заполнила все то, что спрашивала анкета про меня и историю семьи, о которой я тогда не очень-то много знала, и снова встала в очередь. Теперь – на прием у консула. Прошел час или около того, меня позвали внутрь.

Консулом был мужчина лет тридцати. Выглядел доброжелательно. Он посмотрел стопку документов. Вид у него был удрученный.

– А еще что-нибудь у вас есть?

– А что нужно?

Я не понимала, в чем проблема. Он не объяснял, но посоветовал съездить в Красный Крест – возможно там есть справка об эвакуации прадедушки/бабушки во время войны. А также получить выписку из домовой книги.

Вышла я довольно огушенная. Забила в телефон: «Красный Крест» – он был недалеко, на Китай-Городе. Были рабочие часы. Я доехала и заполнила заявление на запрос данных. О прадедушке и о бабушке. Мне сказали, что это займет три дня, потом надо приехать за результатом.

На идею о выписке из домовой книги мама рассказала, что жили бабушка с дедушкой в кооперативном доме на теперешнем Речном вокзале еще до того, как там появились современные улицы и адреса.

Хранятся ли те книги и где, было не ясно. Но если даже они были в теперешнем домоуправлении, путь выглядел так. Приехать физически, не зная часов работы. Поспрашивать прохожих около дома и узнать расположение и часы работы. Приехать во второй раз и узнать ситуацию. Тогда такая процедура показалась мне дикой. Я решила дождаться данных из Красного Креста.

Глава 8

Справку в Красном Кресте мне в самом деле выдали. О бабушке там данных не было, но были о прадедушке. Семен Сергеевич с указанием национальности (еврей) эвакуировался в Барнаул. Это было неожиданно. Как раз примерно в этот момент ракетные атаки остановились. Организаторы победно написали нам, что все ОК.

На вторую попытку я приехала со справкой и всем, что еще удалось найти: читбилетом бабушки, авторефератом к ее диссертации, распечаткой статьи из Википедии о прадедушке – оказалось, такая есть. Бабушкиной сумочкой и пудреницей.

Опять постояла в очереди перед открытием, подождала в очереди к консулу. Это был уже другой консул, и добрых чувств он не внушал. Документы его не впечатлили.

– Ну расскажите мне что-нибудь о ней. Кто она была, как жила, чем занималась?

Сухие сведения, которыми я владела, об образовании, браке и ребенке тоже не произвели впечатления. Я пыталась выяснить, что не так. Но в ответ получила только:

– Здесь пока не на что опереться.

Вот теперь я не знала, что делать. Было 23 августа. Две недели до старта программы. Организаторы требовали внести оставшуюся оплату и ничего не хотели слушать о моей визе. В их американской картине мира с визой ни у кого не возникало проблем. Они прямо говорили, что если я не внесу деньги, место мне не гарантируют.

Я уже остановила бизнес и всю свою жизнь в Москве. Настроилась поехать. Оставалась свадьба, а за ней – пустота, в которой я не представляла, что делать. Андрей послушал мой рассказ и написал пост в Facebook, где у него было много читателей. Дальше история начала становиться не очень реальной.

Отозвался наш добрый друг и сказал, что может помочь. У него были контакты в израильском консульстве по России. Он соединил меня через посредника с генеральным консулом. Посредник объяснил мне, в чем дело.

По внутреннему протоколу повторные документы для консулов – просто бумажки. Их интересуют только оригиналы. У меня оригинал был один – мамино свидетельство о рождении. Там национальность бабушки была исправлена. С «русская» на «еврейка». Документы с исправлениями (даже подтвержденными справками из загса) для консулов – такие же бумажки, как повторные документы.

Он спросил, где бабушка работала. Я ответила, что в педагогическом университете. Он – что мне нужно поехать в архив и достать ее личное дело.

Глава 9

Я бы поехала за личным делом сразу же, но завтра была свадьба. За пару недель до этого мы с Андреем прикинули список родных и близких друзей, которых точно хотели видеть, и у нас получилось 40 человек.

Желания и бюджета на банкет где-то в общепите у нас не было. Дома в сидячем режиме помещалось человек 20. Но мы подумали, что если открыть свободное посещение с 17 до 22, расставить по дому стулья и пуфы и поставить ручную еду на общий стол в гостиной, все как-нибудь получится. И разослали приглашения.

Теперь Андрей закупал на рынке головы сыра, ноги ветчины и канистры вина, а я красила ногти впервые лет за десять в светло-розовый. Мама ушивала в талии платье, которое я купила в Mango. Самое сложное заключалось в том, чтобы приехать в загс одетыми к 11 утра. Обычно мы просыпались ближе к 12.

По дороге мы сняли с меня кольцо и положили его в карман Андрея. В отличие от мамы с папой, нашего друга Жени Куликова, который выступал шафером, и дочери Андрея Наташи, к 11 мы опоздали. Тем не менее, расписаться и надеть обратно кольцо нам удалось. Мы поехали домой спать.

Формат сработал. Гости в самом деле приезжали постепенно, и у нас была возможность со всеми пообщаться. Я помню, как не знала, куда ставить цветы, после того как они заняли все вазы, бутылки и ведра.

Утром мы с друзьями, Женей и Ритой, улетели в Будапешт. Эта идея тоже появилась спонтанно за две недели до свадьбы. Месяца у нас не было, но было три дня. Там нельзя было добывать документы и воевать с консулами. На все три дня я погрузилась в сладкую вату, гусиные шкварки, сидр, и, знаете, Будапешт – неожиданно красивый город!

Но потом мы приземлились. Мама предложила поддержку, и мы поехали в Московский педагогический государственный университет на Фрунзенской. Зашли в старое величественное здание. Спросили нескольких людей, прежде чем нам указали на угол большого зала с колоннами, из которого в темный подвал спускалась узкая винтовая лестница. То был архив.

Фото: Андрей Бугайский, детская железная дорога, Будапешт, 2014

Глава 10

Мы начали спускаться. По обе стороны все было заставлено стопками коробок в человеческий рост. Протиснувшись через узкий коридор между ними, мы наткнулись на молодого человека. Он, видимо, заведовал архивом.

В очереди перед нами было два человека, периодически подходили еще люди. Он сосредоточенно выполнял какие-то их просьбы. Через 20 минут наблюдения я поняла, что одновременно он держит в голове только одну задачу. Но моментально забывает о ней, когда к нему кто-то обращается. Переключается на другую и делает ее, пока кто-нибудь следующий его не переключит. Простым ожиданием вопрос тут явно не решался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.